

КРОКОДИЛ

К ДЕСЯТОЙ ГОДОВЩИНЕ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ (1914 — 1924 гг.).

Рис. Ив. Малютина.

Иди умирать! Проявляй молодечество
За веру, царя и отечество,

Пока не свалилась повязочка с глаз!
А свалится, — прицелится он и за нас!

ВСЕ СМЫСЛ ВОЙНЫ.

Огнем машинной канонады
Дни каждой твари сочтены.
Дружнолетящие снаряды
Взрывают тайный смысл войны
Тела разбросаны, как склянки
И понял Немец, Англ и Франк,
Что это Банк воюет с Банком,
Что это Банк идет на Банк...

Банк!
Ва-Банк...

ЦАРЯ СЫНЫ.

—Поверьте, братцы, офицеру:
На немцев мы пошли не зря,
А за отечество, за веру
За свой народ и за царя...
Нажмем, чтоб небу было жарко...
И мы пошли, спасая франк,
Сбивать солдатским телом марку
И укреплять французский Банк...

Банк!
Ва-Банк...

ГЕРОЙ ПИСАКА.

На лбу моем ярлык героя:
—„Солдат герой, он рвется в бой“.
Не рвемся мы, нас рвет от боя...
Кончатся пора... домой.. домой...
Тебя, газетную писаку,
Послать бы в бой понюхать танк...
Ты чей же Банк ведешь в атаку?
Свой Банк ведет на чей-то Банк.

Банк!
Ва-Банк...

И ФАЛДЫ ФРАКА.

Открой надтрюженные веки:
К нам присланы меньшевики,
Социалисты и эс-деки—
Истории паровики.
Из Банка прислана приманка!
Что ж, рыбка, клюй на фунт и франк...
Меньшевики пришли из Банка
Меньшевики зовут на Банк...

Банк!
Ва-Банк...

ВЕРСАЛЬСКИЙ МИР.

Эй, армия, домой ворочай...
Снимай свой каторжный мундир!
К своим станкам пошел рабочий,
А к Банку Банк пошел на мир.
Банкиры, съехавшись в Версали,
Подписывают чистый бланк...
Пусть Банки ружья побросали
Но Банк еще идет на Банк...

Банк!
Ва-Банк...

ПОБЕДНЫЙ ПИР.

Взамен морали христианской
Мы научились на войне
Другому—и войны гражданской
Уж бродит призрак по стране.
Эй, меньшевик, бери шарманку,
Министром будь—высокий ранг!
И угнетай во славу Банка
И Банк, свой Банк веди на Банк.

Банк!
Ва-Банк...

Чуж-Чуженин.

НАД КЕМ, „РУЛЬ“, СМЕЕШЬСЯ?—НАД СОБОЙ СМЕЕШЬСЯ!

Мы приводим из белогвардейской газеты „Руль“ четыре карикатуры, изображающие жизнь эмигранта. Карикатуры принадлежат художнику Маду, текст — наш.

Он в восемнадцатом году,
Что называется, был в теле
И бормотал как бы в бреду:
—„Больш вики—на две недели“!
Удрал, бедняга, оттого,
Что слишком крут был строй
Советский.
Под чемоданами его
Носильщик пыжился турецкий...

Но вот пришел двадцатый год,
И, верный беженской идее,
Он измотался от невзгод
И стал значительно худее...
Попал в Париж, судьбой гоним...
Уж нет в вещах бывлой нагрузки!
В них пуда два лишь! А за ним
Носильщиктянется французский.

Нагрязнул год двадцать второй.
„Скиталец“ в жесточайшем сплине.
Париж покинул наш герой
И очути ся он—в Берлине...
И мыслил он: „Когда-ж, когда ж
В прах разлетится строй совет-
ский“?
Нес эмигрантский саквояж
Носильщик истинно-немецкий...

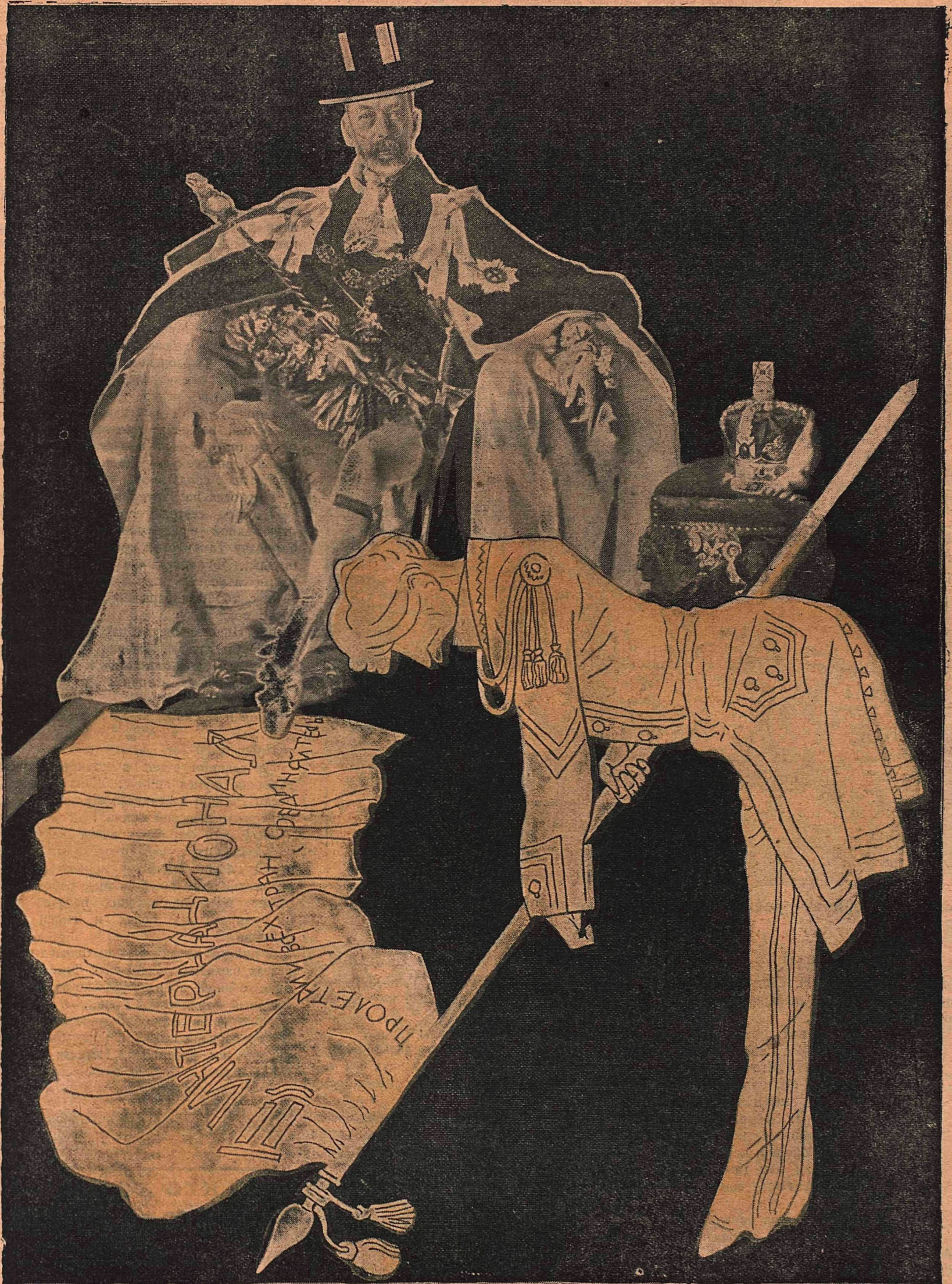
Пришел двадцать четвертый год.
У эмигранта денег нету...
Ау, носильщики! И вот
Уж он пешком бредет по свету...
Он ищет, примоститься где-б,
И встречных за полы хватает:
—Подайте нищему на хлеб!
Он—эмиграцию питает.“

СОБСТВЕННЫЙ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТ.

Рис. Бор. Ефимова.

„Война подарила нам и такую породу социал-демократов“.

Г. Зиновьев.

— Послушайте, почтеннейший, и в подлости надо соблюдать хоть некоторое чувство меры!..

У ПСА И ЛОРДА—ОДНА МОРДА.

В Пекине состоялся многолюдный митинг, принявший резолюцию: Китайское правительство должно выставить во всех местах, имеющих исторический интерес, надписи: „Англичане и собаки не допускаются!“

Рис. Бор. Ефимова.

СС БАКА:—Я понимаю—не пускать хозяина. Но за что же обижать меня—честную собаку!

ОТКЛИК.

Пожарники г. Лобва Н. Табгильского окр. откликнулись на вопль „Крокодила“ „Кто стыд не потерял—постыдись“.

„Узнав, что на постройку аэроплана „Крокодил“ за 1924 г. поступило 50 к. зол. и как ты писал „Кто стыд не потерял—постыдись“. Мы прочитав это, и нам стыдно стало, мы и сговорились послать 4 обл. зол. займа, а денег у нас нет т. к. зарплату не получали давно. Дорогой Крокодил, дострой свой аэроплан и привези нам газеты, а то мы газеты и журналы получаем слишком поздно.“

Кто стыд не потерял из лобвинцев, пожертвуй на постройку аэроплана.

Ануфриев Ф. Колпашиков С.
Стариков А. Селиванов П.

Кто следующий?

РЕФОРМА МЕТРИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ.

Крапивенский уисполком Тульской губ. издал приказ № 48 о переходе на метрическую систему мер.

Вот пункт 3 этого приказа:

„Предлагается производить продажу молока на базарах и в лавках с 1 мая с. г. обязательно метрами, полуметрами и $\frac{1}{4}$ метрами.“

Продажа других жидких тел: масла, керосина и пр., может производиться на объем (клейменными мерами: метрами и полуметрами) и на вес“.

Гут крапивенские законодатели поставили точку. Если бы они продолжили дальше, то мы узнали бы, что мерами веса являются ары и гектары и что ситец надо продавать литрами.

Ни на микрон нет грамотности у крапивенцев.
В. Рашков.

ЧЕСТНОЕ ПЕРО.

Десять лет тому назад на седьмом этаже в комнате журналиста Рыбкина шумел примус. Жена варила кофе, а сам Рыбкин дописывал тридцатую страницу „От нашего фронта: это корреспондента“.

— Прямо из штаба, на удобном и прочном автомобиле, фирмы наших доблестных союзников, рядом с сестрой милосердия, о храбрости которой известно всей России, направились в линию огня. Наши герои, несмотря на убийственный огонь неприятеля, повискочили из удобно, уютно устроенных окопов и рдостно приветствовали нас. Немецкие варвары, должно-быть, заметив наше прибытие, лихорадочно усилили огонь и начали засыпать нас, невооруженных людей, чемоданами, пулями дум-дум и прочими зверствами. Сердце наших бойцов вскипело негодованием; возмущившись немецкому нахальству, они бросились в атаку, решив проучить дерзкого врага. Впереди офицера, а за ними стройными колоннами страшной лавой двинулись непобедимые орлы. Минута была величественная. Враг дрогнул и бежал, оставив десятки тысяч убитых и награбленное ими имущество у мирных русских жителей.

И несмотря на то, что мы славно, в полном порядке, по стратегическим соображениям отступили на ранее заготовленные позиции, одержанная победа вызвала громкие крики ура и неопишемую радость в сердцах наших доблестных солдатиков.

Я никогда не забуду, когда, сопровождавшая нас сестра предложила раненому отравленной шрапнелью в грудь на вылет бородачу Тамбовской губ. отправиться в госпиталь... Я никогда не забуду, как он выпрямился во весь рост и по военному ответил: „Нет-с хорошая барышня, пока еще жив, я с этого поля не уйду“...

Да! Никогда не забуду его бледное лицо и горящие глаза... Истекая кровью, он стоял и звал... сердце сжималось...

— Яша, кофе готово...

— Сейчас.

Рыбкин поставил точку и пошел пить кофе.

* * *

Прошло 10 лет...

На седьмом этаже в комнате журналиста Рыбкина шумел примус. Жена варила кофе, а сам Рыбкин заканчивал статью „К 10-летию империалистической бойни“.

— Десять лет тому назад десятки тысяч рабочих и крестьян, оторванные от родных полей, были брошены проклятым царским правительством на убой. Мы, рабочие и крестьяне, по воле царских палачей тысячами умирали на полях и гнили в грязи окопов.

Я никогда не забуду, как, однажды, на моих глазах, израненного рабочего, Тамбовской губ. один офицер избивал только за то что несчастный корчился от боли...

Никогда не забуду бледное лицо рабочего и его горящие глаза. Он как бы говорил— „скоро час расплаты“. Истекая кровью, он стоял и звал... Сердце сжималось...

— Яша, кофе готово.

— Сейчас.

Рыбкин поставил точку и пошел пить кофе.

Б. Левин.

КТО ТАКОЕ—
КОТЯ ПИК?
БОЕВОЙ
БОЛЬШЕВИК!

ДВОРЯНЧИК-ДУЭЛЯНТ.

Не надо считаться с психологией дворянчика-дуэлянта, истерически призывающего к войне.
(Из речей В. И. Ленина в 1918 г.)

1918 г.

Встав в позицию бояки
В новом платье цвета хаки
Плачет гладкий, бритый франт
Дворянчик-дуэлянт:

— Ну, солдатики, впе, ед,
За Россию и народ..

1920 г.

Плачет франтик „благородный“,
Полинялый и голодный—
Белой банды интендант
Дворянчик-дуэлянт:

— Ну, Корниловские звеня
За Россию в наступленье!..

1924 г.

За границей, где-то, франт
Дворянчик-дуэлянт:
Наподобие собачи
Услужает, ждет подачки,

Но во сне под чаш ревет:
„В наступленье!.. вперед“!..

Чуж-Чуженин.

МАССОВИК.

— Опять в пивную?
— Послушай, надо же нам хоть где-нибудь соприкасаться с массами.

ПРОТИВ ВОЙНЫ.

Венский желтый интернационал постановил, как и 12 лет назад, в случае военной опасности ответить всеобщей стачкой.

I.

В кабинет II желтого интернационала робко постучались рабочие:

— Товарищи вожди! В воздухе чем-то пахнет тревожным. Готовится война. Надо принять меры, чтоб нас опять не погнали, как глупых овец, дубасить друг-друга.

— Успокойтесь, друзья! Мы на-страже рабочих интересов. Когда настанет время, мы об'явим против войны всеобщую стачку. Рабочий класс, по нашему зову скрестит свои могучие руки; как это красиво, как величественно! Буржуазия без рабочих воевать не будет.

II.

Французские рабочие робко постучались в дверцы центрального комитета а социал-демократов.

— Товарищи! Наша буржуазия заговаривает войну. Нас заставят строить корабли, пушки, газы, аэропланы...

— Успокойтесь. Мы всегда на-страже интересов рабочего класса. В нужную минуту рабочие по нашему зову скрестят свои могучие руки. Что тогда будет делать буржуазия со своими военными игрушками?

III.

Английские рабочие робко постучали...

— Товарищи! Наша буржуазия готовится...

— Успокойтесь... Мы всегда на-страже... скрестим свои могучие руки...

IV.

Рабочие распахнули двери кабинета II желтого интернационала.

— Вожди! Война об'явлена. Что делать?

— Уже об'явлена? Ах, значит мы не сможем созвать пленум... Нет кворума..

Л. Витин.

КОМПЕНСАЦИЯ.

Не так давно „Известия ЦИК и ВЦИК“ причислили к Норвегии японские порты Иокогама, Осака и др. Теперь Каинская „Крестьянская Правда“ отчасти возместила Японии эту утрату. В № 139 написано:

Советско-японские переговоры.
В Пекине (столица Японии) начались советско японские переговоры.

Кравченко.

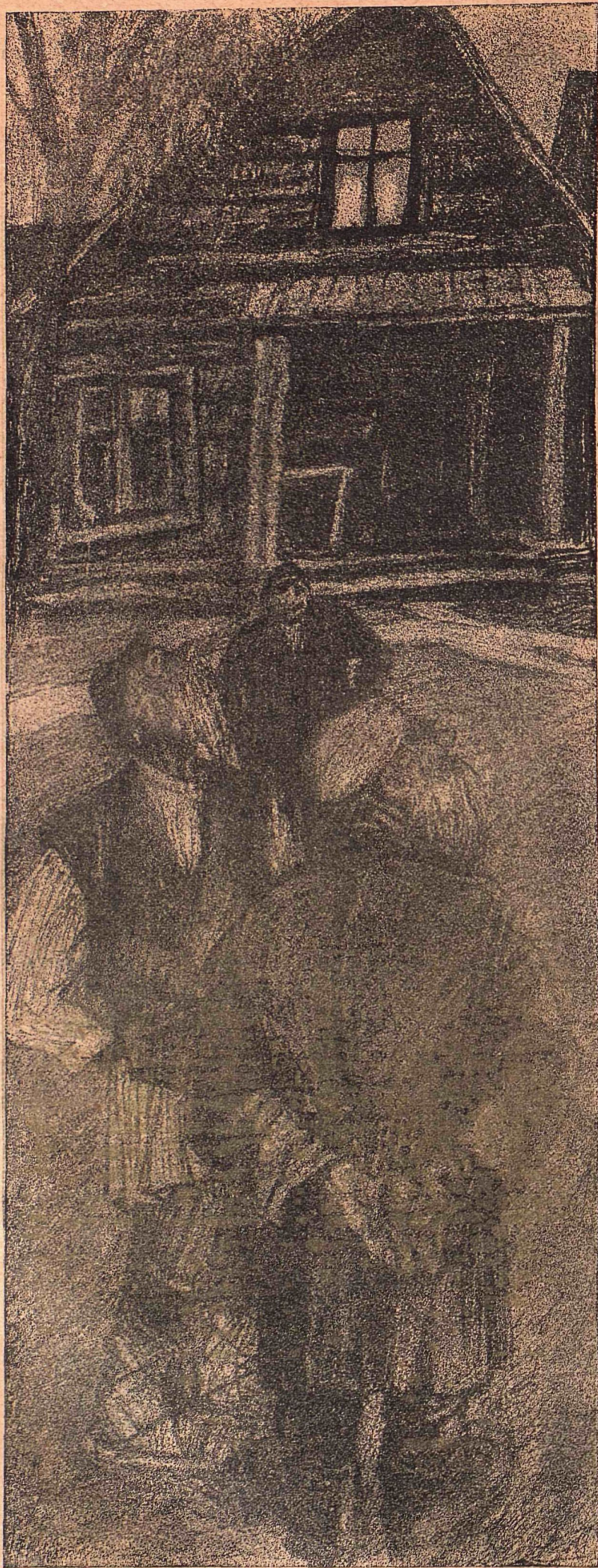
МИНИСТЕРСКАЯ СОВЕСТЬ.

Министр финансов Петруллис бежал, захватив с собою полтора миллиона долларов и 200.000 золотых марок. В финансовых кругах Литвы паника. За доллар платят 15 литов.

Рис Бор. Ефимова.

МИНИСТР ФИНАНСОВ ПЕТРУЛЛИС:—Лит упал, зато мой престиж в обществе значительно поднялся!

— Вот там, в небесах, должно, настоящие коммунисты сидят!

— Почему?

— А если уж поливают улицы, так всем. Без различий!

„ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ПРОГРЕСС“.

(„АНЕКДОТЫ“)

„Правительство Николая Романова защищает дело цивилизации и прогресса“. (Из царских лозунгов времен войны).

I.

В царской Польше.

В Варшаве у ворот Саксонского сада пан струж (сторож), верный русскому царю-батюшке, отстранил рукой бедно одетого человека.

— Куда? Куда ты, песья твоя кровь, лезешь?

— Но мне нужно пройти на Вербовую улицу!—сказал бедный человек.

— Вороти назад, тебе говорят. Ты не заболеешь, если обойдешь сад кругом. Хороший гусь: в таком виде он смеет желать идти по саду. Презренный, прочитай правила, запрещающие дурно одетым, рабочим, длиннополым евреям, нижним чинам и собакам проходить по саду, и тогда ты поймешь, какой опасности можешь подвергнуть опрятную цивилизацию своим отвратительным видом. Ступай же, пока я не намылил тебе во имя цивилизации шею!

И бедный человек побрел прочь от ворот Саксонского сада.

II.

В царской Москве.

Кошка поймала мышь: околоточный надзиратель задержал в Москве еврея, осмелившегося переступить черту оседлости. У надзирателя на лице благородное негодование, у еврея в потной руке—зеленая трехрублевка.

— Ка-ак?—хрипит надзиратель,—я, поставленный на страже цивилизации и прогресса, да за твои жалкие три рубля, да допущу вторжение жидовской морды в истинно-русскую Москву?! Да за кого ты меня принимаешь?! За взяточника?! За предателя российских цивилизаций и прогрессов?! Не на такого напал. Не таковский я, жидовская твоя морда, тремя рублями меня не купишь...

...Я меньше пяти не беру!..

III.

Охрана искусства.

В провинциальном городе откобылась выставка картин „Независимых художников“.

— Гм!—нахмурился, узнав о выставке, сам господин пристав—гм... „независимые“... гм... Гей, Сидоренко!

Вбежал дежурный околоточный.

— Вот что, Сидоренко... касательно выставки... независимо от независимости, а может и по случаю того,—одним словом, немедленно наряд полиции на выставку, чтоб у всех ходов и выходов, и никакого проходу, картинки же взять под „опеку“. Ступайте же и твердо помните, что в стране цивилизации и прогресса охрана искусства—наша святая обязанность.

IV.

Мобилизация перед войной.

— Ах!—вздыхнула одна впечатлительная дама, увидев на улице, как ведут под конвоем людей, мобилизованных на войну,—„ах, я никак не могу понять, зачем этих будущих героев сопровождать, точно арестантов, конвоем?“

— Милая моя!—возразил ее супруг, „защищенный“ от мобилизации „белым билетом“,—пойми же, что наше правительство защищает дело цивилизации и прогресса и в интересах гуманности принимает все меры, чтобы эти герои были доставлены на фронт в целости и сохранности!

V.

На исходе войны.

В царском дворце „ревнителю“ цивилизации и прогресса, бия себя кулаками в грудь, доказывали, что Россия—страна передовая, цивилизованная.

— Протезы, искусственные конечности не предпоследнее ли это слово науки и техники, а наука и техника не шагает ли она в ногу с цивилизацией и прогрессом? О, конечно!

И гордо заканчивали:

— Где? Какая еще страна может похвастать таким количеством людей, снабженных искусственными конечностями. И это ли не подлинная цивилизация, это ли не настоящий прогресс?

VI.

Веселенький конец с выводом.

Глупенький, шупленький царь Николай сажал в огороде капусту. Опершись на винтовки, солдаты караулят арестованного.

— Солдатики-братишки!—лепечет арестованный царь,—я всегда защищал дело цивилизации и прогресса... я... солдатики, навсегда, солдатики...

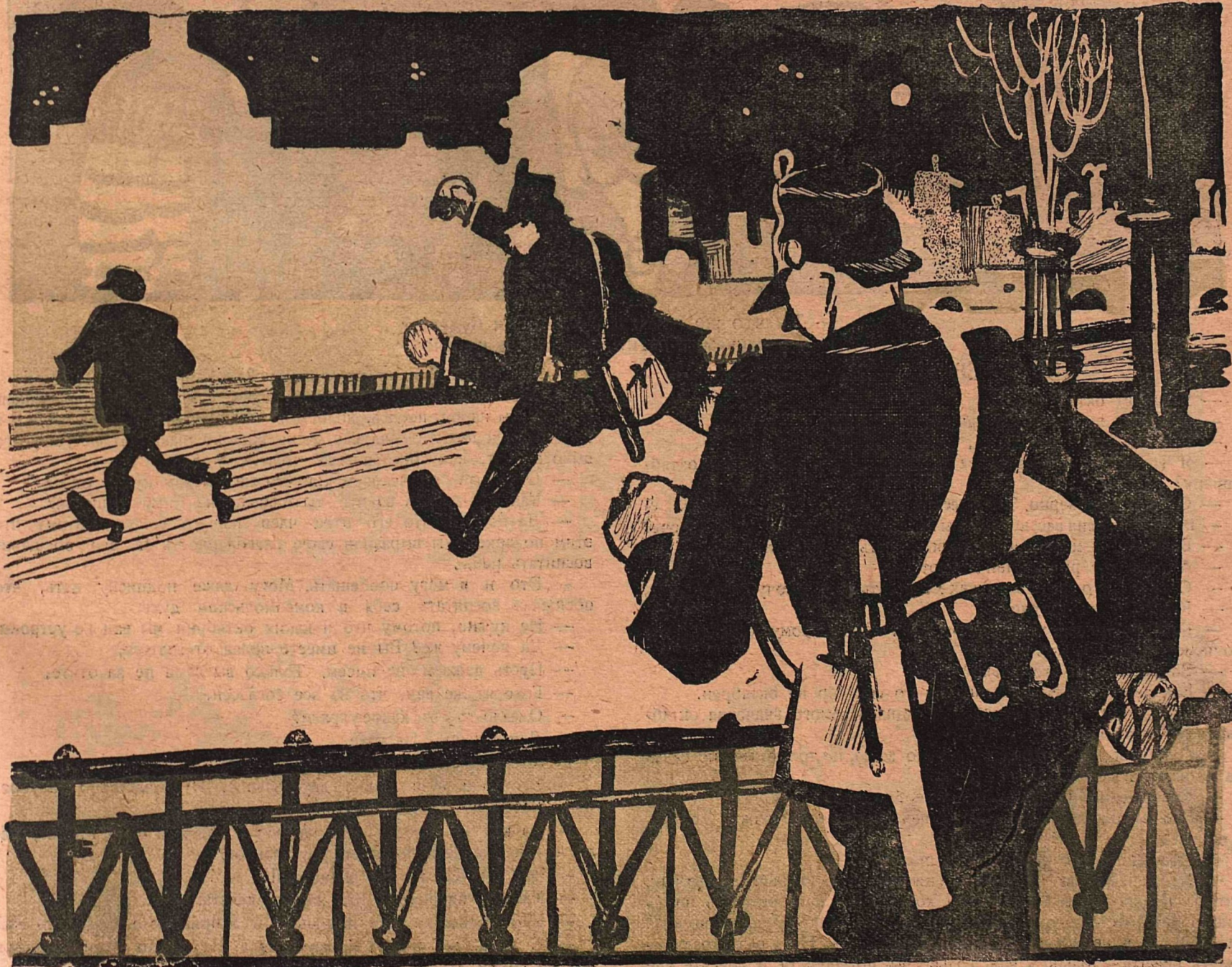
Так было и стало у нас, а вот у бывшей царской—ныне панской—Польши дело-то выходит... Одним словом, начинай „анекдоты“ сначала, только с переводом на польский язык. Л. Митницкий.

НЕПИШУЩИЕ ПИСАТЕЛИ.

Если признаться по совести:
Кто среди нас не поэт?
Кто не герой своей повести,
Вечно струящийся в свет?
Станет с людьми только встретиться,
Заговорить о себе,—
Мигом и главки наметятся
В пестрой словесной гурьбе.
Чахлый приказчик с модисткою
Парой бубенчатых фраз,
Как он любим был артисткою—
Строит цветистый рассказ.
В школе девчушка вихра тая
П р в о й ступени оплот,
Платьем несбыточным хвастая,
Сказку подругам плетет.
Равно: поэт ли с поклонницей,
Парни ль в трактирной избе—
Музе, не зная поклонятся,
В дух говорят о себе.
Колд признаться по совести,—
Кто среди вас не поэт,
Кто не творец своей повести,
Вечно струящийся в свет?
Вас. Лебедев (Кумач).

ОХОТНИЧИЙ СЕЗОН В ГЕРМАНИИ.

Рис. Ив. Малютина.

1-ый ПОЛИЦЕЙСКИЙ:—Наддай ходу. Фриц! Если мы его не поймает до рейхстага,—он будет неприкосновенным.
2-ой:—Ну брат, это еще на воде вилами писано. Чай, у нас Германия!

НА ЗАВОДЕ „СЕРП И МОЛОТ“.

Обед в столовой „Сerp и Молот“. Шум. Толкотня. Садятся есть и тащат стул, корзину, ящик, на чем бы только можно сесть. Уселись. Подают обеды. Приносят суп. Чем есть?—вопрос: нет ложки, ножика и вилки (вот экономнейший завхоз)! И трубочкой сложивши губы, с тарелки тянет суп едок...

* * *

Взяв мясо пальцами из супа, невольно вспомнишь „Кипяток“.

Я. Ш.

ЧИТАЙТЕ „КИПЯТОК“!

ЗАВЕДУЮЩИЙ И РЕВИЗОР.

Ревизор.—Слушайте-ка! У вас все кирпичи в песок превращаются!
Заведующий.—Что ж! Это не страшно! Мы из песка опять кирпичи будем делать! У нас ничего не пропадет! Будьте покойны!

На открытии рейхстага полиция арестовала 12 депутатов-коммунистов.

Из газет.

ЕЩЕ РАЗ.

В № 6 Крокодил сделал, Чувашобласткому запрос относительно поведения зам. зав. подотдела Облуголрозыска Сидякова.

Скажи, Чувашобластком,
Ты с этим делом не знаком?
Но ты печать молчанья сломишь?
Нас с этим делом познакомишь?

Но Чувашобластком промолчал, как будто совсем не слышал.

Попрежнему действует и Сидяков, с тою разницей, что к нему подошло подкрепление.

Пусть изнемог зам. зав. в борьбе
С упорным, крепким самогоном.
Благодарение судьбе,
Обзавелся он компаньоном.

Чувашобластком назначил т. Волкова, такого же классного пьяницу, как и Сидяков, начуголрозыска Чебоксарского отд.

И должность новую принял,
Он в тот же день в пивной напился.
И брюки, и рубаху сняв,
В одних кальсонах появился.
Едва живой лишь вечерком
Был арестован кем то Волков.
Ах, неужели Областком
Не слышит постоянных толков?

Чужой.

Рис. А. Радакова.

— Ты что же, милая, фабричная будешь?
— Заводская. У меня свой завод свечной.

ОБАЛДУЕВ В МОСКВЕ.

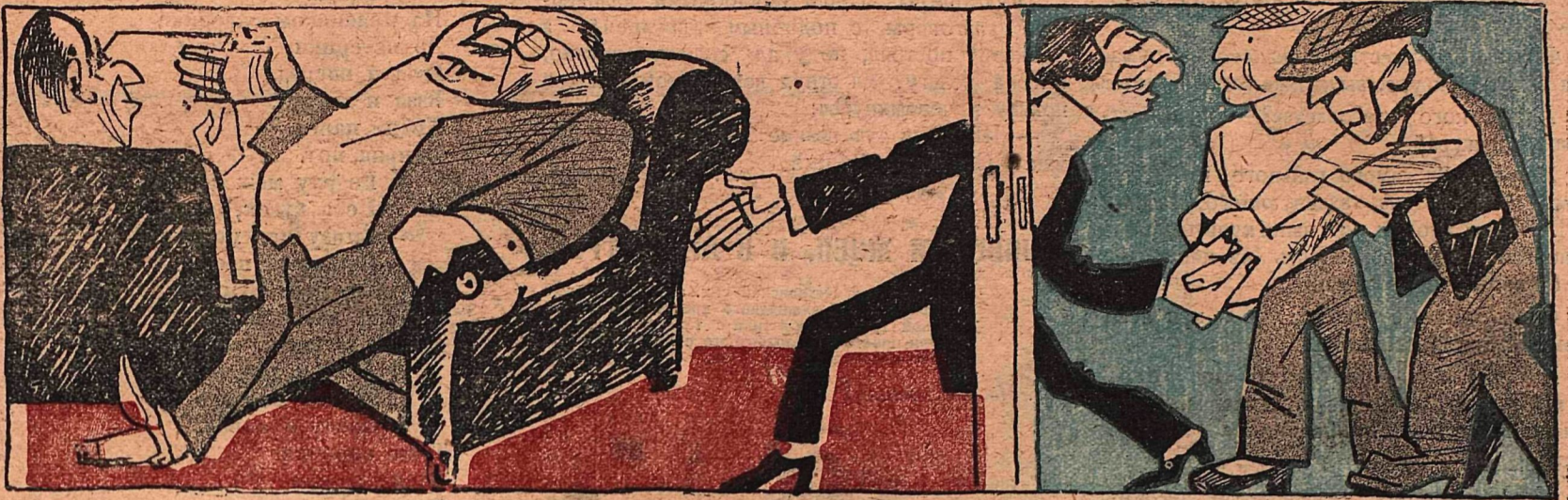
— Я насчет октябрин.
— Ну, что же. Мальчик или девочка?
— Как вам сказать. Скорее, мужчина.
— Я что-то не понимаю. Вы желаете крестины заменить октябринами?
— Совершенно верно. Эти крестины—ужасный предрассудок.
— Вот я и спросил вас, кого же вы желаете октябрить—сына или дочь?
— Батенька, у меня сын уже пятнадцать лет коптит небо.
— Ага, значит родственничка хотите?
— Стал бы я о родственниках хлопотать, я сам хочу октябриться.
— Как! Как вы сказали?
— Говорю: я сам хочу октябриться. По старому креститься, а по новому октябриться.
— Зачем же вам это нужно?
— Как зачем? Столько лет живу и до сих пор не октябрин.
— Гражданин, вы, очевидно, не поняли самого значения октябрин. Это совсем не...
— Голубчик, не объясняйте, хорошо знаю, но только мне по зарезу о октябриться.
— Совершенно не вижу этой необходимости.
— Это вы говорите потому, что одеяло украли у меня в омере, а не у вас.
— Позвольте, при чем же тут одеяло?
— Хе-хе. Шутник. Разве я не читаю газет. Отлично, голубчик, читаю. Прекраснейший бычай. Я хотел было октябриться в профсоюзе металлистов, но там подносят только „Азбуку коммунизма“. Если бы у меня не украли одеяла, я бы мог и там. Ну, а раз украли,—делать нечего,—только к вам. Только вы, пожалуйста, поднесите мне ватное одеяло, и если можно, двуспальное.

— Слушайте. Вам никак не стыдно?
— Милый, я сунулся было в магазин, а одеяло пять червонцев. Ого-го. Вы народ, небось, холостой,—не знаете что такое жена, а я Марию Федоровну Обалдуеву очень хорошо знаю. Нет, нет, другого выхода нет, как октябриться только у вас.
— Странный вы человек. За что же мы вам купим одеяло?
— Как за что? А за что вы младенчик? Кому поднесли?
— Да потому, что его отец член нашего союза, потому что этим подарком мы выразили свою благодарность за его обещание воспитать реб...
— Это и я могу пообещать. Могу даже подписку дать, что обещаю воспитать себя в комсомольском духе.
— Не нужно, потому что и каких октябрин мы вам не устроим.
— Да почему же? Вы не имеете права отказаться.
— Пусть даже и не имеем. Только вы сами не заботите.
— Говорят же вам, что на все согласен.
— Одеяло-то у вас какое украли?
— Двуспальное. На вате.
— А мы подносим младенческое. Квадратный аршин.
— Это мало. Мне нужно двуспальное. И обязательно голубое.
— Вот и не выходит дело.
— Да как же такое. У меня на вас вся надежда была. Может, сделаете исключение и поднесете двуспальное?
— Что вы. Как же это возможно!
— Ужасно неприятно. Что же тут делать.
— Увы! Ничем не могу помочь. Когда прикажете октябрить вас?
— С какой же стати?! Москва велика. Не вышло у вас, выйдет в другом союзе. Извините за беспокойство...

Евграф Дольский.

О ТОМ, КАК МАКДОНАЛЬД О РАБОЧЕМ ПЕКСЯ И КАК ЭТОТ РАБОЧИЙ ИСПЕКСЯ.

Рис. А. Радакова.

...И сказал Макдональд рабочим:
— Я вам отец родной, а не отчим!

И дни, и ночи пекусь я о вас ...
Иной правее, оторвавшись от масс

А я не сторонник такой игры ...
Подождите, будьте добры!...

И пошел Макдональд шагом быстрым
К своим друзьям-министрам,

Потом, долон восторга,
Припал к стопам короля Георга, —

Словом, он нажимал все педали,
А рабочие — ждали ...

И пошел Макдональд быстрыми шагами
К римскому папе и римской маме,

И прочитал им длинную речь,
О том, что рабочих надо беречь,

И открывал перед папой дивные дали,
А рабочие — все ждали!

И возвал Макдональд срочное заседание,
И организовал экстренное собрание,

Но тут
Вспомнил он, что рабочие его ждут,

И когда Макдональд к рабочим вышел, —
Предсмертный хрип он услышал ...

„КУЛЬТШЕФСТВО“.

В помещение волостного совета ввалилась группа хорошо одетых городских людей. Вошедшие оглянулись и презрительно сморщились:

— Фи, какое убожество. Никакого декорума! Эй, пасюште, фигура, вы кто же такой будете?

— А вам кого требуется?—полюбопытствовала „фигура“.

— Нам-то? Да самого главного, кто здесь имеется: председателя, заведующего, начальника?!. Одним словом, мы ваши культшефы и пожаловали к вам в волость из центра на предмет принятия такового!

— Очень даже и весьма... а я при всем прочем—здешний секретарь!

— Ну что же!—протянули ему гости, каждый по два пальца,—будемте знакомы: шефы из Мосгубконстройнара!

Помолчали.

— Ну-с, секретарь—вздернули плечами шефы—„Встречайте же городских гостей хлебом, соль, молоком да яиченкой...“

— Я что ж!—замаялся секретарь,—ну только виноват, товарищи шефы, жратва здесь у нас за деньги чистоганчиком, бесплатность упраздненная, а оклад наш, известно—минимально прожиточный!

— Ну вот!—обиделись гости.—Так-то вы встречаете своего шефа!

— Как угодно-с!—вздыхнул секретарь.—Только насчет бесплатной шамовки—слабо. Пойтить вот разве—спозвать председателя? Может он чего и устроит?

Но и председатель, прибывший с секретарем, воздержался от угощения „дорогих гостей“.

— Уж вы не взыщите, товарищи шефы... не восемнадцатый годик—нету бесплатности и неоткуда ее взять. Сами на себестоимости сидим!

— Может товарищи шефы,—робко предложил секретарь,—схочут с нашей избой-читальней подзнакомиться? Библиотечку оглядеть уголочек безбожный?..

— Чхать на все,—надулись гости,—если шефу такой острожелудочный прием оказывается, то на кой чорт нам сдалась ваша изба-читальня. Эка невидаль какая...

— Дык, товарищи, к примеру ежели вы хотите шефствовать по культурности, то изба-читальня как таковая...

— Как таковая?.. Ну ладно... вы нам лучше скажите, есть тут у вас таковая ресторация, где бы можно было сытно и питательно перекусить...

— Кого?

— Ресторан, столовая есть у вас тут?

— Э, нету!

— Не-ту?—гости в конец нахмурились.—Ах некультурность ах, непроходимые ты а и невежество, ах... Эй, послушайте, секретарь, давайте-ка нам лошадей до станции... что уж тут с вами станешь делать...

— А насчет шефства то?—осторожно спросил секретарь,—библиотечку осмотрели бы, а? Клуб комсомольный?!

— Ладно там, не до клубов, другим уж разом!—отмахивались нетерпеливо гости.

И через минуту-другую, развалившись в телеге на свежем сене, культурные шефы катили по шоссе к станции.

— Ну и волость, ну и яма,—качали головами шефы.

Телега подехала к станции; шефы, кряхтя и разминая члены, высаживались, а возница почесал потылицу и прохрипел:

— Уплатить извольте за провоз!

— Уп-ла-тить? Это с к кой же еще стати...

Мы шефствуем да мы же и плати... ах, невежество, ах некуль...

„Культшефы“ сочли неудобными дальнейшие разговоры с подобным „дикарем“, а „дикарь“ постоял, подумал, сплюнул грузно, сел на телегу, хл стнул веревочной вожжей конягу и чертыхнулся:

— Шляются тут всякие... ездют на шармак... Сдохнуть бы им!.. Л. Митницкий.

И ШВЕЦ, И ЖНЕЦ, И В ДУДУ ИГРЕЦ.

Студента Петровской с.-х. академии можно принять за безошадного крестьянина Рязанской губ., за грузчика с товарной станции, или просто за безработного с Хитрова рынка. Это ненормально. „Правда“.

Рис. Из. Малютина.

— Не понимаю, что ж тут ненормального? Я действительно сын безошадного крестьянина из Рязанской губ., недавно грузил дрова на станции, теперь без работы и живу у Хитрова рынка, там всего дешевле.

ПРОИЗВОДСТВЕННИК.

(Разговор в райкоме).

— Вы, товарищ от станка?

— Нет... Это у меня брат в броне-танковом дивизионе служил.

— Да нет же!.. Вы производственник? В производстве где-нибудь работали?

— Как же, работал...

— А специальность ваша?

— Машинист я...

— Машинист? На каких же вы машинах больше работали?

— Работал я почитай все время на Ремингтоне, но приходилось и на Ундервуде...

— Да какой же вы после этого производственник?

— А как же-ш! По делопроизводству я работал. Самый я настоящий делопроизводственник!..

Игорь Адов.

ЖАРА.

Праздник.

С утра—

Жара.

На маленьком скверике

До истерики

Взад и вперед,

Взад и вперед,

Ходит народ,

Отирая пот.

Вверху меж домами

Неба кусок,

Внизу под ногами

Пыльный песок.

Клумбы, цветочки,

Чахлые веточки...

Жены в новых платочках,

Дети и деточки,

Мужья неловко

Носят о новку.

Туже сорочки

Давят шею,—

Взять в рассрочку

В Москвошвее.

—Тоже рассрочка...

Пойдешь с ней по миру...

Взять бы сорочку

Побольше и мером!

С подокошников высунув жерла,

Шипя и рыгая

Граммофоны кричат по все горло:

—„Пожалей же меня, дорогая!“..

Закрывшись от солнца

Большим козырьком

С ларьком

На лумбочке спит Моссельпром.

На пыльный газон

Сторож пустил из килки струю.

—Оболью!

—Ладно, ваш дядя Семен!

Уф! хорошо как в ра-с!

Переполнены лавки,

Кто-то ложится на травке.

—Гражданин, здесь не позволено!

Придете домой и ляжете!

—Морожено! есть морожено!

Сколько прикажете?

—Не ешь так много. Занюют зубы.

—Эх, сейчас бы грозу бы!..

—Тявка! обедать пора!..

Праздник. Жара...

Вас. Лебедев (Кумач).

НЕ „ПУТЬ“, А ПУТАНИЦА.

В № 119 газеты „Путь“, издаваемой в Хабаровске, помещена такая заметка:

УБЫТКИ ОТ ПАЖАРА.

Во время пожара на углу Протодьяконовской и Плюсники сторело 3 лошади, 1 корова. Распускается черемуха. Набрали цвет инструменты слесарные и кузнечные, экипажи, бочки с икрой и пр. Причиненные убытки выясняются.

А в № 118 крупным шрифтом напечатано:

Столкновение германских коммунистов с рабочими. 200 арестованных рабочих.

Говорят, что обилие опечаток происходит вследствие того, что слишком много внимания уделяется заметкам, вроде следующей:

ОТЪЕЗД тов. НЮРИНА.

Вчера выехал во Владивосток в служебную командировку редактор газеты „Путь“ Р. Л. Нюрин.

Еделев.

БОГОМОЛЬНЫЙ КОМСОМОЛ.

Рис. К. Ротова.

В Полянской ячейке РКСМ, Моск у., часто можно видеть комсомольцев в церкви. У некоторых женатых ребят иконы встречаются по углам. Случается, что своих детей комсомольцы несут в позу престить.

Из газет.

ИНСТРУКТОР ИЗ ГОРОДА:—Скоро ваша деревня окомсомолится?
СЕКРЕТАРЬ МЕСТНОЙ ЯЧЕЙКИ РКСМ:—Нет, у нас пока комса молится!

ЛИЧНЫЙ СЕКРЕТАРЬ.

Пять лет и три месяца секретарствовал Дмитрий Фелькин у тов. Замойлова. Пят лет и 3 месяца! За это время было 350 мобилиаций, 400 сокращений... чорт знает, что было, а Фелькин уцелел и, может быть, даже наверное, и до сих пор секретарствовал бы... Но умер Замойлов, на его место пришел другой со своим секретарем. Фелькина сократили, предоставив месячный отпуск. Увы! Он не поехал ни в Крым, ни на Кавказ, а к родителям в дер. Капустино, Тамбовской губ.

Рады были старики увидеть сына своего. Брат за самогоном побежал, мать пузатый самовар трясет, сестра яичницу стряпает, а отец разговорами занимает. Дмитрий был угрюм и молчал. Попил, поел и спать... а на следующий день встал пораньше, вытащил из чемодана 4 плаката. Один „без доклада не входить“ прибил к дверям горницы. Другой „Личный секретарь тов. Фелькин“ под „Вид с горы св. Афона“, „Кончил свое дело и уходит“ под божницей, „Прошу не курить“ — справа над фотографиями.

Родители сразу почувствовали страх и почтение... Мать входила и шопотом:

— Митенька, може тебе ягодки с молоком?

— Нельзя, видите, что занят...

— Ды я тебе тихонько поставлю и уйду...

— Сказано занят... Приходите завтра...

— Что ты завтра. Завтра еще будет... — недоумевала мать и уходила. Дверью будто хлопала, а сама ухо к замочной скважине и слушает: — Алло! Да, да... Он только что уехал на заседание в Главземотдел...

Помолчит немножко и опять:

— Ваш вопрос еще не рассматривался. Доложу. Хорошо...

— Господи, с кем это он? — крестится мать Дмитрия, а из горницы голос его все злее и злее.

И вдруг сразу бытло с дитей разговаривает — ласково, ласково:

— Анна Михайловна? Здравствуйте... здравствуйте!.. машину? Сейчас... Сию минуту высылаю... Алло. Алло. Гараж? Дайте гараж..

Ой, страшно матери. Слезы текут из старушечьих глаз...

Заходил отец, про Москву спрашивал, а он молчит, либо буркнет:

— Некогда, занят...

Тяжело вздыхая, уходил старик... И так повторялось изо дня в день — от 10 до 4-х.

Старуха мать даже пирог спекла на курином помете и это самое „алло“ жгла (так велел „бабка“ Лукерья).

Но напрасно, не помогает...

И вот однажды у Фелькинского дома остановился автомобиль — шина лопнула. Пока шофера чинили, из кузова вылез толстый человек с портфелем под мышкой, сел на крыльцо и попросил молока похолодней. Пьет молоко и слышит, как в горнице Митрий разоряется:

— Он уехал. Да... Товарищ, видите, что занят... Нет, у него сегодня 10 заседаний... Кто говорит? Алло? Я слушаю. А, это Вячеслав Павлович, сейчас перед м... К сожалению, не может, его срочно вызвали... Да, да... Придите завтра — там видно будет...

— Эге, сказал толстый человек, — да, вельгут у вас личный секретарь, а мне такой и нужен.

— Это мой сын родной... Вы уж его не трогайте и так богом обижен... — взмолилась мать Дмитрия.

— Нет, нет, это бросьте... Мне такие нужны...

И что вы думаете? Обрадовался ему Дмитрий Фелькин, как родному. Сразу все плакатики оборвал да в чемодан. Шоферу кричит — „Заводи“, и если это они с ним в машину и шась... только пыль... и бензином авоняло...

Вот... а в деревне пропал бы ни за что... Газве мыслимо — такого человека куриным пометом кормили.

Б. Левин.

БОЯЗНЬ ПРИВИДЕНИЙ.

В двенадцать часов по ночам из гроба встают... умершие пенсионеры Трубчевской Страхкассы и являются к нач. и секретарю Брянского Губуправления Соц. Страхования. Жутко делается нач. и секретарю и пишут они отношении № 1027.

Трубчевской Страхкассе.

„Умерших пенсионеров и снятых с пенсии по каким либо причинам присылать в управление не следует до вновь возбуждаемого ходатайства.

Начгубуправления (подпись).

Секретарь (подпись)“.

— Авось теперь покойники не будут являться.

Московский.

ВЕЗДЕСУЩИЙ КОМИССАРИАТ.

В настоящее время Наркоминдел должен стать наиболее популярным комиссариатом в деревне.

Рис. Бор. Ефимова.

Из речи тов. Зиновьева.

Товарищ Чичерин

Своему комиссариату в рен
И в один и тот же день
Посещает 328.000 деревень.

Рис. В. Козлинского.

— Вишь, тут сказано:—Вопрос о проналоге может рассматриваться только в плоскости...

— То-то, я смотрю, ничего непонятно. Выходит дело на пол надо ложиться. Сказано—в плоскости. Тогда все пойдем...

АНТИПЫЧ В ОБЛАКАХ.

(Будущий аэро-быт).

— Но о-о, чортов ероплан!

Дед Антипыч сердито нажал руль вышины и его старый дребезжащий „Юнкерс“ взлетел на несколько километров вверх, но скорости не прибавил.

— Хошь не хошь,—подумал Антипыч, а к празднику разноапостольного Демьяна Бедного, али к Семашке-Жизнедавцу придется новый еропланишко справить. На ефтом не токма до луны, —до Парижу не доедешь. Но-о-о, пропеллер те заешь!

На своем старом „Юнкерсе“ дед Антипыч возил в Нью-Йорк дерн и перепрелый навоз для опытных полей по договору с американским Коммухозом.

Упрямый был старик! Сын его, занимая высокий пост секретаря Мирового Союза Советских Республик, не мог добиться, чтобы он воспользовался своим правом отдохнуть от семидесятилетних крестьянских трудов.

— Не желаю отдыхать,—твердил Антипыч.—Еще с десяток лет потружусь, а там омоложусь и поступлю в Комсомол...

Вблизи Атлантического океана кто-то окликнул деда. Он взглянул вверх и увидел земляка, кузнеца Пахома, сидевшего у руля быстроходного моноплана. Вся семья Пахома мирно восседала в кабинке за большим самоваром и попивала чаек в накладку. Младший сынишка кузнеца, шаловливый пионер Совдепик, примостился на хвосте моноплана и во все горло распевал воздушно-пионерский гимн.

— Здорово, дедушка!—крикнул Пахом, направляя к нему аппарат и задерживая ход. В Америку с дерном?

— Туды,—ответил приветливо старик.—А ты откуда?

— С Северного полюса, Антипыч. Электрические печи там малость испортились, так я в ремонте участвовал. А завтра на экватор вызывают холодильники чинить... От дяди Игната поклон! Встрел я его на дирижабле: в Африку за слонятиной для кооператива поехал, а оттула за мануфактурой на луну хочет махнуть в Междупланетном трамвае.

— Ну, что ж, пушай. Он деляга, брат. А про Еремея слышал? Бипланишко у него анадысь угнали. Думал, монокрады завелись, ан вышло такое дело. Привязал он его на ночь к тучке, а тучку-то унесло по недосмотру небесной милиции.

— Ха! Ха! История! Ну, что, нашли?

— Как не найти! Воздушный угрозыск на Арарате поймал... Ну, прощевай, Пахом!

— Будь здоров, дедушка! Кланяйся в Нью-Йорке Степану, ежели в американский ЦИК заглянешь...

Земляки расстались. Старик опять нажал руль вышины и, выравняв аппарат, полез в карман за махоркой. Не мог отвыкнуть от этой старой привычки.

— Эка история!—заворчал он.—Вся вышла! Придется на еростанцию завернуть. Не лететь же без курева... Заодно и закушу там малость.

Он направил свой „Юнкерс“ несколько в сторону и через полчаса остановился у воздушного питательного пункта. Там толпился народ. Среди представителей всех рас единой трудовой семьи Советов Земного Шара дед встретил много знакомых крестьян и рабочих. Привязав свои аэропланы, дирижабли, аэроциклетки и прочих „коняг“ к большой неподвижной туче, они разминали уставшие плечи, закусывали, беседовали.

— А, дедушка!—приветствовали Антипыча.—Навоз везешь? Не омолодился еще? Как дела?

Потекла мирная беседа. Дед закусывал, курил и внимательно слушал. Жизнь была ключом. То и дело подлетали новые лица, наполняя небо шумом и гомоном.

— Слышали, товарищи? На-днях первый поезд на Марс отойдет с пересадкой на Большой Медведице.

— Где молоко брали? На млечном пути? Замечательное!

— А Перепилиху-то в лунный Женотдел назначили...

Поев, Антипыч стал прощаться:

— Прощайте, товарищи! В путь пора.

— И нам время... Но-о о! Эй, вы, пропеллерные!

Дед затыкнул махоркой „Аэро-Вырви Глаз“ и полетел дальше...

Ц. Делев.

ЧУДО СТРОИТЕЛЬНОГО СЕЗОНА.

Комхоз Татарска, Омской губ., в ознаменованіе праздника 1 мая решил построить арку. Закупили материала на 500 р., столько же заплатили техникам, и построили. Для Татарска вышло замечательно хорошо. Весь город любовался на арку, украшенную лозунгами и электрическими лампочками. Но 15 мая этот шедевр Татарского искусства опрокинулся в грязь. Теперь арка поднята на подпорки. Потребуются еще 1000 р. для того, чтобы она могла постоять подольше.

Ай-Вай.

ПОСОБИЕ ДЛЯ КУРЯЩИХ МЛАДЕНЦЕВ.

Для того, чтобы матери, получающие пособие на кормление грудных детей, не тратили его на удовлетворение своих прихотей и затей, Троицкая Страхкасса, в соглашение с ЦРК вступив, выдает им не деньги, а ордер в кооператив. Когда же мать ордер предъявляет, приказчик учтиво отвечает:

— Сахару, гражданка, нет. Не хотите ли кофе? Крупа вся вышла-с, большой спрос. Не возьмете ли папирос?

Думает мать кормящая: „Дочка-то у меня некурящая“. И говорит уныло:

— Эх, лучше бы Страхкасса деньгами платила!

Мать.

ПОСЛЕДНЯЯ НАДЕЖДА.

Есть в Серпухове авио-школа воздушной стрельбы и бомбометания; служить в ней—сущее наказание. Каркоманды начальник очень большой охальник: красноармейцев притесняет и всякими оскорбительными словами называет.

— Вы, — кричит, — Красной армии паразиты, даром хлеб едите, дезертиры банди-ты!

А ребята уж по 4 года отслужили и на фронтах были.

Не стерпело мое сердце обиду злую и завел я с начальником речь небольшую. Тут он на меня и налетел:

— Да как ты вздумал, как ты смел?

И гошю с тех пор ученье — сущее мученье. Довел меня начальник до такой напасти, что приходится бежать из этой части.

Одна надежда, что Троицкий командир читает журнал „Крокодил“.

Красноармеец Каркоманды авио-школы.

БАЛАГАН И ПОЛИТПРОСВЕТ.

С. Грузское.

10 мая, в 8 ч. вечера, когда зайдет солнце, в каменной школе будет дано представление известным приезжим из-за границы артистом г. Санхоchenko „Тяжелый Атлет“.

Далее идет перечисление сногшибательных номеров, затем „Показание мускулов под музыку, состоящую с гормошки и бубона“, „Интересные фокусы... которые пока в секрете“ и, наконец, приглашение поспешить, т. к. это будет в первый и последний раз.

Любопытных собралось много, но билетов было куплено всего 2; представление было отложено до более темного времени, и „иностранец“ улетучился.

В тот же день, когда несчастный Санхоchenko спасался с 10 фунтами жита, вырученного от продажи двух билетов, в Ржеве появилась афиша:

СКВЕР ИМ. ГРАЦИНСКОГО

10 мая

?

Цена за вход 20 коп.

На расспросы любопытных Завполитпросветом отвечал так, как-будто бы это был сам Санхоchenko:

— Вечером узнаете.

Нахлынувшей в сад публике преподнесли хор цыган. Запели молодцы „кто в лес, кто по дрова“ избитые песни.

На следующий день в саду было больше цыган, чем публики.

ЭКСПЛОАТИРУЕМЫЙ ПОП.

Гр. Воронин не заплатил священнику с Троице-Борки, Рязанской губ., за венчание. Вскоре поп узнал, что гр. Волхонов делает приготовления к свадьбе и, боясь упустить заработок, написал отцу жениха письмо:

„Покорнейше прошу жениха и невесту с йчась до вѣнчанія яви ься ко мнѣ—исправить религію—исповѣдываться и оплатить расходъ по церкви и священнику, чтобы не было недоразуѣнія и

обмана, как обманулъ ме я Воронинъ. Это ужъ не религія отрывать священника, тратиться на бездѣля, шиковать с могонокъ и гармонистами и на дѣвишникахъ за обыгрываніе швыряться деньгами, а священнику не платить, тогда не нужно и вѣнчаться: нельзя эксплуатировать чужимъ трудомъ, такъ—совѣстно и об дно. Свящ. Д. Миловидов“.

Батя достиг полного успеха: даже присутствовал при свадебном столе и, попивая портвейн, сулыбкой на устах слушал гармониста, за которого порицал жениха.

Кузнецов.

ПОЧТИ „РЕВИЗОР“.

Зашел в завком Тальновского Госсхозавога солидный человек лет сорока, с портфелем, в очках. Деловито спросил, как идут дела в завкоме и культкоме. Завкомовцам почему-то показалось, что это человек из центра. Посмотрели на группу съезда сахарников, висящую на стене, нашли, что неизвестный похож на завкультотдела ЦК и забегали. Приготовили книги, дела, суммы. Вызвали всех членов завкома. Отвели самую лучшую квартиру, дали ордера на стол, ухаживали... а оказалось, что это просто безработный конторщик пришел проситься на службу.

Капустянский.

РЕВИЗИЯ

Посвящается Нолинскому п/о просвещения.

У-ух, страшно. Инспектор едет. Так мороз по коже и пробегает. Трепещет перепуганная душа шкраба. И суется несчастный из угла в угол—в порядок все приводит. Наконец, зловеще звенят бубенцы инспекторской пары. Приехал. Вот уж и сапожищами по сеним громыкает. У-ух, страшно, дух захватывает.

И вдруг в сенях школы визг, крики, скрежет, словно кто кого там рубит, колет, режет. В ужас приходит ожидающий шкраб, видя такое „начало ревизии“. П/отд. просвещения, спеша сюда скорей да посмотри, что твой Сазонов делает. Батюшки, что настряпал: за сторожиком гоняется!

Обнял, ей-богу обнял. Ой, ой, ой, Сазонов, за кем пустился? У-ух, батюшки светы, чуть из рук вывертелась. Силища-то какая страшнейшая.. А Сазонов идет дальше.

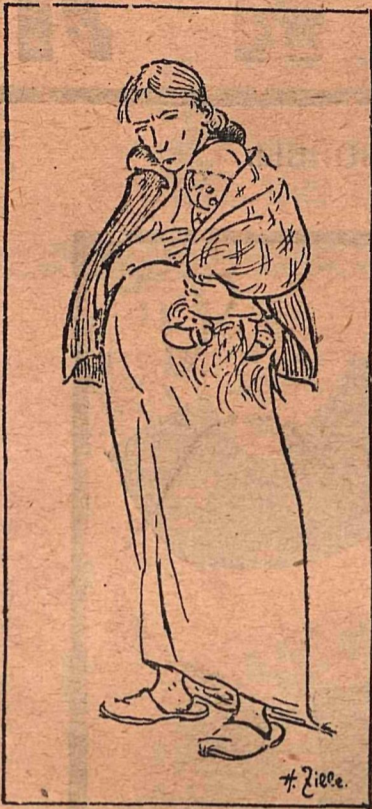
Добрался и до шкраба. Бедная учительница. Первым делом целоваться лезет, а вторым делом самогонки просит. Шкраб говорит, что этим не занимается. Сазонов в ответ что-то рычит и продолжает просить, а получая отказ, забирается за „настоящую“ ревизию,—ложится спать на кровать учительницы. А у самого, бедняцкого, с перепоя и лица нет, к ветеринару бы хоть сходил. Проспался, поехал в другую школу.

А где ревизия? Он не забыл написать в журнале, что все де хорошо идет. Разве этого не довольно? П/отд. просвещения... Посмотри на своего инспектора. Проследи его действия, наведи ревизию да получше этой, вышеописанной.

Спроси там, куда был отпущен твой Сазонов для „ревизии“ и все, кто имеет гражданское мужество и совесть, скажут тебе, что и что говорил он в некоторых волостях и дай ему понять, что это недостойно гражданина-инспектора. Это твоя обязанность, а ты слышишь ли, не слышишь ли, но молчишь.

Ямщик.

В ГЕРМАНИИ.

„Симплициссимус.“ Мюнхен.

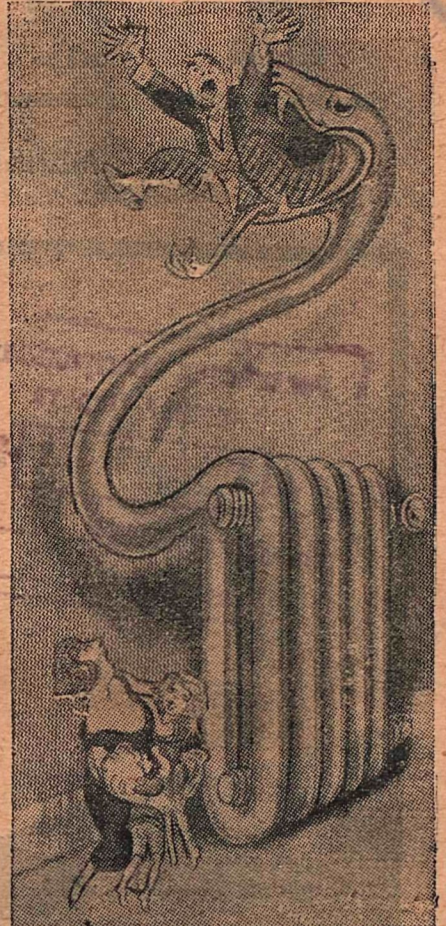
Мать (ребенку) — Бедняга, ты еще не успел родиться, а уже должен платить репарации...

ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДИЛЛИЯ.

„Кладерадатч“. Умиротворенная Европа.. Берлин.

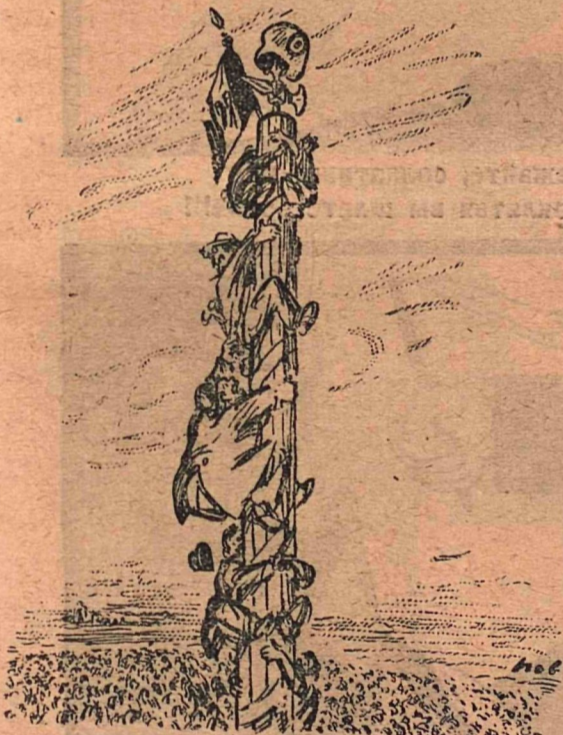
ЧУДО XX ВЕКА.

„Америк. Обозрение“, Нью-Йорк.

Отопление кусается...

ВОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ.

„Юмо ште“. Париж

Французские политические партии, (Новый вид спорта).

ПРЕДВЫБОРНАЯ АГИТАЦИЯ.

Оратор:—Моя программа проста: я опираюсь на народ!

Голос из толпы:—Не опирайтесь слишком сильно, вы можете его раздавить!

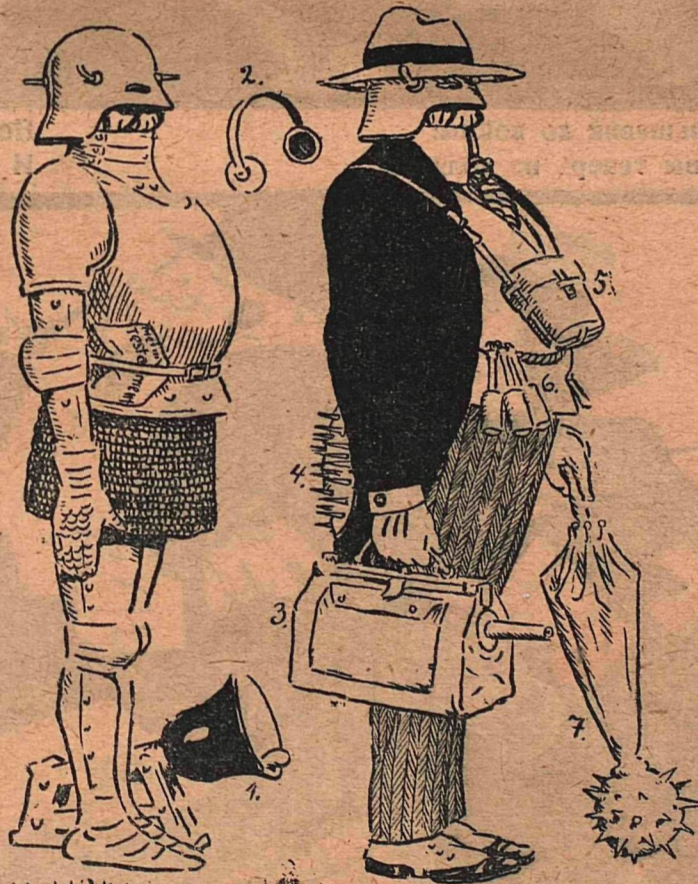
Le monde Illustré.

РАЗНЫМИ ПУТЯМИ.

В крематории сначала попадают в огонь, потом в урну, в рейхстаге наоборот: сначала в урну, а потом очень часто в печку!

Simplicissimus.

НОВОСТИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

„Кладерадатч“.

Предохранительные костюмы для членов европейских парламентов.

Берлин.

ХИРУРГИЯ.

Хирург:—Нет покоя! Ни одного дня не проходит, чтобы я не сделал одной операции. И так будет продолжаться всю жизнь...

Спекулянт:—Подумаешь, велико дело, одна операция в день! Да я произвел их 4 в одно утро!

Corriere.

ИЗ ГАЗЕТ.

В Париж прибыл Таффари— эфиопский принц. Он был торжественно встречен сановниками республики. В Соборе Парижской богоматери внимание принца обращали на кусочек „самого настоящего“ креста господня, „самого подлинного“ тернового венца—драгоценности христианского культа.

Обозревая Париж, принц Таффари заметил военные аэропланы и спросил: для какой они цели?

— Как для какой? Чтобы по всем правилам военной техники убивать ваших братьев арабов в Марокко...

БЕГА.

— Вы давно здесь, сударыня? Интересно?
— Нет, скука! Еще никто не свалился.

Le monde Illustré.

Редактор

Н. И. Смирнов.

Издательство

„Рабочей Газеты“.

28

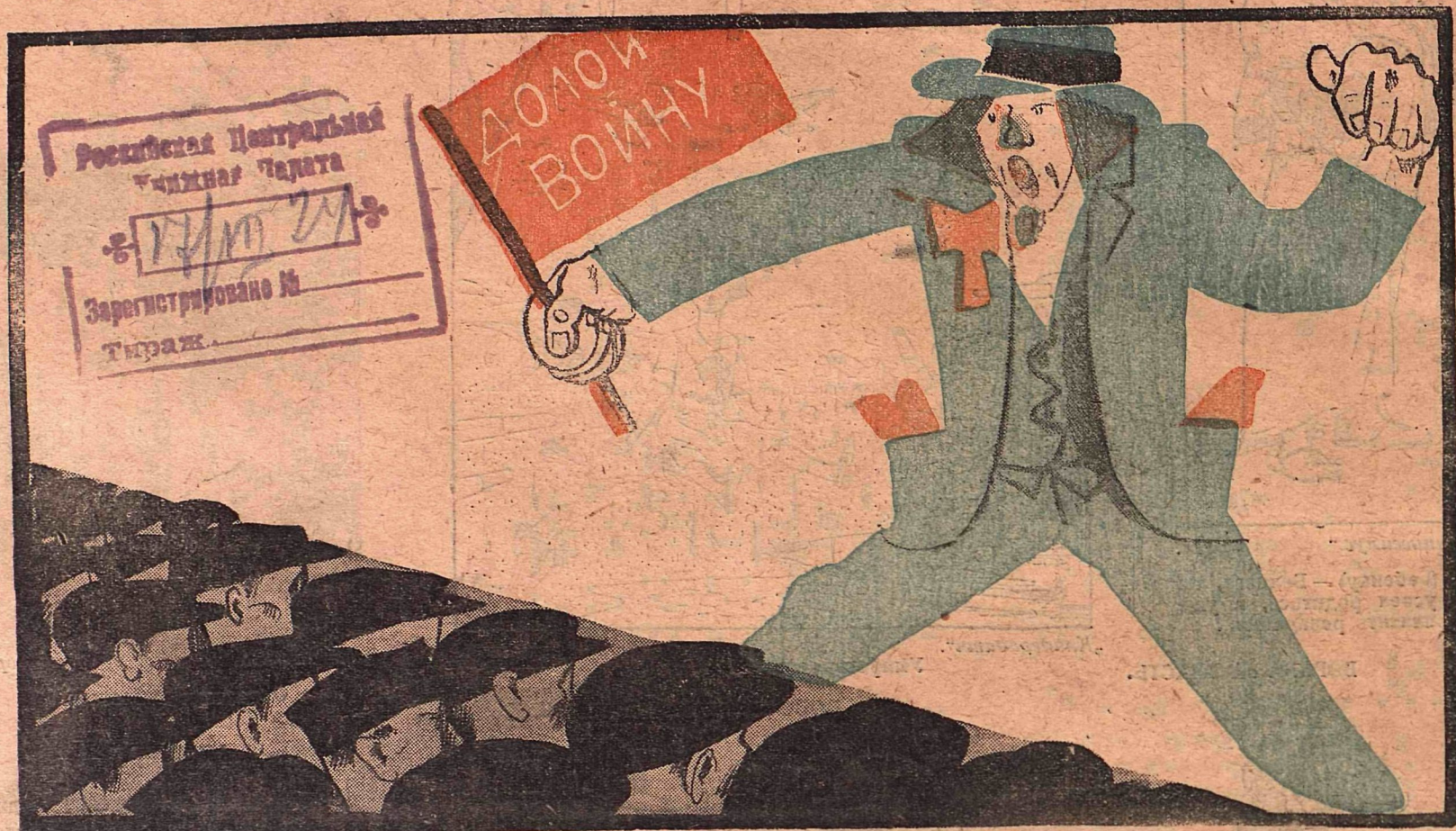
05642

У/В

К Р О К О Д И Л

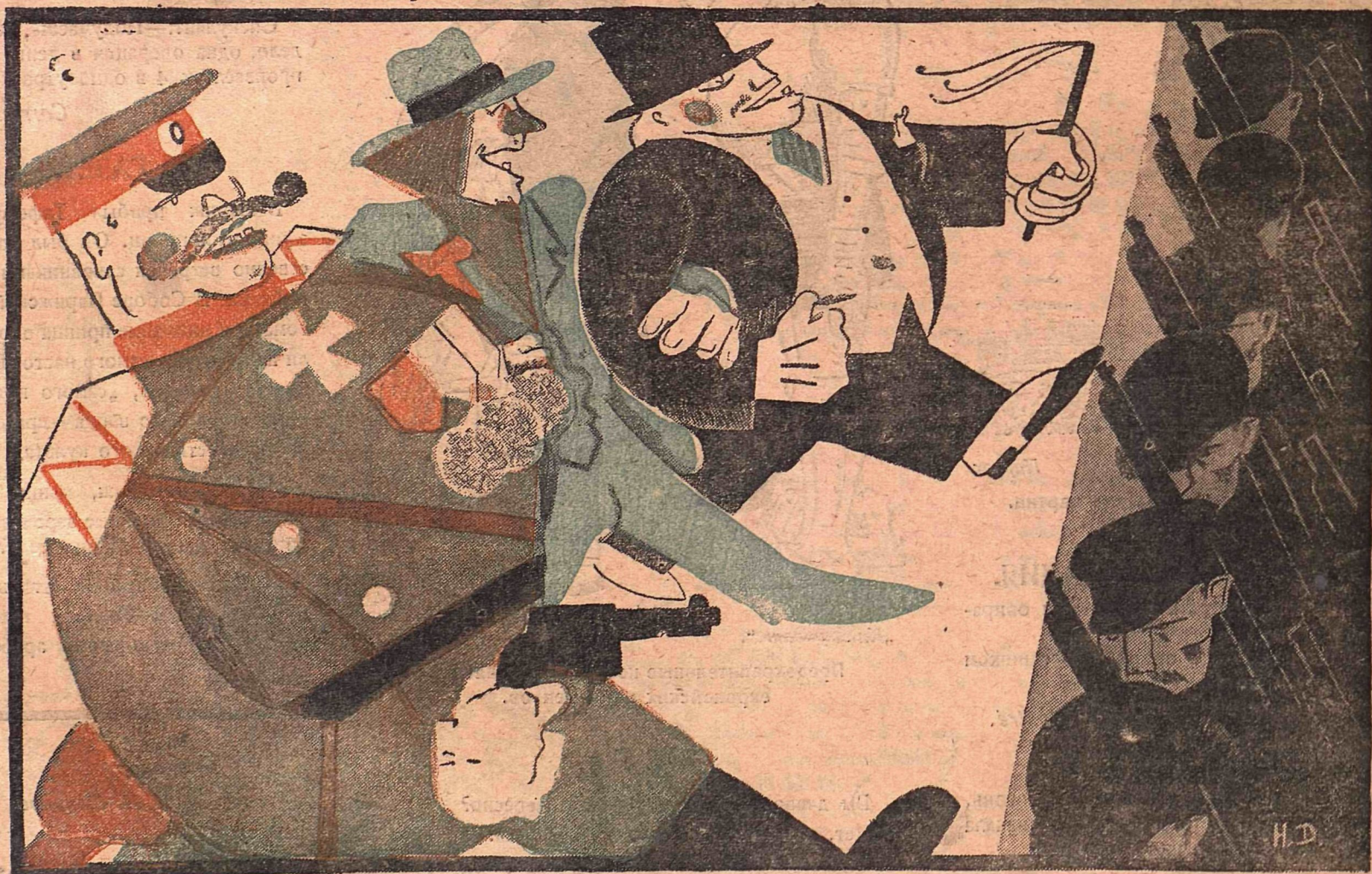
МЕНЬШЕВИКИ ДО И ВО ВРЕМЯ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ.

Рис. Н. Денисовского.

Говорил меньшевик до войны:
— Воевать вы теперь не должны!

Подражайте, солдатики, мне
И проклятья вы шлите войне!!!

А война разразилась,—и вмиг
Стал войну воспевать меньшевик.

И на бойню „солдатики“ гнал
Вместе с ним „боевой“ генерал...